

ON THE KUBAN CENTRE OF EARLY SCYTHIAN CULTURE

L.K. Galanina

The article considers the role of the north-western Caucasus in the formation of the complex of early Scythian culture. In the opinion of the author intensive cultivation of Maeotian lands beyond the Kuban river by the Scythians began at about mid VIIth c. B.C. as a result of the influx of some nomadic contingencies of the Ishpakaya-Partatua generation to the North Caucasus from Near East.

Despite close proximity and sometimes life together with the newcomers and even political dependence on them, the indigenous population of the Kuban area preserved its former way of life and peculiar customs. However, the powerful Scythian impact promoted reorientation of the creative potential of Maeotian society toward the creation of new material and cultural values more consonant with the spirit of the times. The local population took an active part in the formation of the elements of the so-called Scythian triad.

Thus many kinds of nomadic bridle equipment and cult pommels, including those decorated in the Scythian animal style, appeared in the Kuban area earlier than in the Northern Black Sea region. Prototypes of some varieties of iron spearheads and bronze daggers which led to the appearance of the Scythian acinaces with a butterfly-shaped guard came into being in the Kuban area.

The presence of the Scythians in the Kuban area contributed to the further socioeconomic development of that region. Meanwhile the local base turned out to be so viable that since the Vth c. B.C. a return to the indigenous forms of workmanship began. In the IVth c. B.C. Kuban culture acquired clearly expressed Maeotian nature, at the same time preserving some Scythian features.

© 1997 г.

ОПИСАНИЕ ИНДИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В «ИНДИКЕ» МЕГАСФЕНА

Немногие персонажи истории классической древности привлекали к себе столь пристальное внимание исследователей, как антиковедов, так и индологов, как Мегасфен – посол Селевка Никатора ко двору индийского царя Чандрагупты Маурья. Им была составлена «Индика» – сочинение, определившее место Индии в греко-римской культуре на многие столетия. С самого зарождения индологии как научной дисциплины античные источники активно использовались при исследовании древней истории Индии, и «Индика», дошедшая до современного читателя лишь во фрагментах, пересказанных более поздними авторами, играла среди них первостепенную роль, тем более что маурийская Индия весьма слабо освещена местными синхронными источниками¹. Между тем несмотря на почти 150-летнюю дискуссию² «мегасфеновский вопрос» остается весьма запутанным. В ходе многолетнего изучения этого произведения как индологами, так и антиковедами, методика работы с этим произведением, и его жанровая принадлежность все еще остаются спорными. Информация Мегасфена, за редким исключением³, прямолинейно сопоставляется с

¹ *Бонгард-Левин Г.М.* «Индика» Мегасфена и надписи Ашоки. М., 1960. С. 1–2; *он же.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973. С. 17–18.

² Первое исследование, специально посвященное Мегасфену, вышло еще в середине XIX в.: *Schwanbeck E.A.* Megasthenes' Indika. Bonn, 1846.

³ Среди них следует упомянуть работы Г.М. Бонгард-Левина, в которых рассматривается информация Мегасфена о высшем чиновничестве маурийской Индии: *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийские *gāja-sabha* и *gāja-pariṣad* в «Индике» Мегасфена // ПВ. 1959. № 2. С. 158–161; *Bongard-Levin G.M.* Ancient India and the Graeco-Roman World // *Indologia Taurinensia*. V. XIII. Torino, 1985–1986. P. 176. Анализ этого сюжета содержится в работе Г.М. Бонгард-Левина и Г.Ф. Ильина «Индия в древности» (М., 1985. С. 224; ср. об этом в рецензии на эту книгу: *Вигасин А.А.* // ВДИ. 1987. № 1. С. 234), а также в статьях Л. Рочера и Дж.Д.М. Дерретта, рассматривающих сообщения Мегасфена о судебном процессе в Индии: *Rocher L.* Megasthenes on Indian Lawbooks // JOIB. 1957. P. 125–128; *Derrett J.D.M.* Two Notes on Megasthenes Indika // JAOS. 1968. V. 88. N 4. P. 776–781.

теми или иными положениями индийских источников без учета ряда важных источниковедческих нюансов. Недостатки такого подхода видны хотя бы из того, что он практически не дает каких-либо самостоятельных результатов, в основном «Индика» привлекается в индологических работах в качестве подсобного иллюстративного материала, а с самого Мегасфена так до сих пор и не сняты обвинения в том, что его «Индика» представляет читателям картину сознательно идеализированного общества, которая «подогнана» (а значит и извращена) под каноны, как правило, кинической философии⁴. Конечно, доказать, что Мегасфен никоим образом не идеализировал, тем более сознательно, увиденную им Индию и специально не приводил данные собственных наблюдений или своих информаторов в соответствие с тем или иным философским учением, только на основании текста фрагментов его «Индики» без определения целей составления его труда, установления связи между фрагментами, влияния предшествующей литературной традиции – невозможно. Для того чтобы по-новому осмыслить это произведение, необходимо провести анализ сложившихся в греческой философско-политической и историко-этнографической литературной традиции к началу III в. до н.э. стереотипов, принципов описания тех или иных структур, рассмотреть, как они отразились в «Индики» Мегасфена и, соответственно, обратиться к индийскому материалу с этой точки зрения. Необходимо определить место Мегасфена в истории греческой литературы, понять жанровую специфику его сочинения, что, очевидно, даст возможность более точно анализировать его отдельные положения⁵. Помимо разбора собственно фрагментов по обозначенной тематике анализ их взаимосвязи, их направленность являются важнейшими задачами предлагаемой работы. Выявление внутренней структуры сочинения Мегасфена на основании сохранившихся фрагментов позволит дать ответ на ряд вопросов, которые до сих пор представляются трудно разрешимыми, и прежде всего о жанровой принадлежности «Индики», а следовательно, степени достоверности содержащейся в ней информации. По мнению Г.М. Бонгард-Левина, информация «Индики» не используется полностью при изучении истории раннемаурыйской Индии, несмотря на значительную ценность этого труда для индологии, во многом из-за отсутствия выработанной стратегии работы с этим источником⁶.

Структура государства являлась одной из самых злободневных тем в истории политической мысли греческого общества в V–IV вв. до н.э. Этот вопрос дебатировался начиная с Гиподама Милетского (середина V в. до н.э.) – он был первым, кто предложил разделить общество по профессиональному признаку (Arist. Pol. 1267b). Персы и египтяне, согласно Геродоту, делились на своего рода «классы» (γύεα) (I. 125; II. 164), причем египетское общество было разделено по профессиональному признаку. Необходимость выделения различных структурных единиц в общественном устройстве подчеркивал Платон (Rep. 369 D; 371 C; 374 B–E; 394 E; 443 C; Legg. 846. E; 847. A). Аристотель утверждал о гомогенности однородной государственной структуры (Pol. 1261b; 1263b), он настаивал на ее разделении (Pol. 1261a) и обособлении ее элементов по какому-либо признаку (Pol. 1264a; 1277a–b; 1291a и др.). Традиция поиска наилучшего устройства общества, развившаяся в основном в литературе философско-политического жанра, получила активное продолжение в исторических и хорографических сочинениях. Так, отдельные и весьма ценные

⁴ Например, *Stein O. Megasthenes und Kautaliya*. Wien, 1921. S. 123; *idem. Megasthenes* // RE. 1931. Bd 15. Hlbd 29. S. 261; *Zambriani A. Idealizzazione di una terra: etnografia e propaganda negli Indika di Megasthene* // *Forme di contatto e processi di trasformazione nelle società antiche. Atti del convegno di Cortona (24–30 maggio 1981)*. Collection de l'École française de Rome. 67. Pisa–Roma, 1983. P. 1105–1118.

⁵ Целенаправленно в этом русле работает, пожалуй, лишь итальянский историк А. Замбрини, опубликовавший серию статей об «Индики» Мегасфена, которую он рассматривает как продукт древнегреческой этнографической теории: *Gli Indika di Megasthene* // ASNP. 1982. Ser. 3. V. 12. N 1. P. 71–149; *Gli Indika di Megasthene II* // ASNP. 1985. Ser. 3. V. 15. N 3. P. 781–853; *A proposito degli Indika di Arriano* // ASNP. 1987. Ser. 3. V. 17. N 1. P. 139–154.

⁶ *Bongard-Levin G.M. Some Basic Problems of Mauryan India*. М., 1970. P. 2.

замечания по структуре государства некоторых племен Северо-Западной Индии оставили спутники Александра Македонского, однако цельного и подробного описания Индии, в том числе ее государственного устройства, греческая литература не знала вплоть до «Индики» Мегасфена.

По справедливому замечанию Б. Брелёра, «ядро и центральный пункт сохранившихся фрагментов работы селевкидского посла составляют описание и деление индийского населения на семь "классов"»⁷. То, что его автором является именно Мегасфен, явствует из «Географии» Страбона (XV. 1. 39–40), ссылающегося при описании этого сюжета на Мегасфена. Эти «классы», сформированные по профессиональному признаку, таковы: философы (софисты у Арриана), земледельцы, пастухи и скотоводы, ремесленники, воины, эфоры и объединенные в одну группу царские советники и руководители высшего ранга. Кроме того, Мегасфен отдельно оговаривает запрет перехода из «класса» в «класс» (в тексте Арриана любому индийцу разрешается лишь стать философом), также запрещаются браки между представителями разных «классов» (Diod. II. 40–41; Arr. Ind. 11–12; Strabo. XV. 1. 39–49). Исследователи, предлагавшие свое толкование этого фрагмента «Индики» Мегасфена, не только не пришли к единому мнению, но до сих пор не выработаны даже подходы к объяснению многих вопросов, встающих при рассмотрении этих «классов»: почему Мегасфен сформировал «классы» именно по профессиональному признаку, почему их именно семь, как объяснить запрет на их смену, позволенную только «философам», и запрет на межклассовые браки, как схема Мегасфена соотносится с материалом индийской традиции, предлагавшей деление общества на четыре варны (брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры с соответствующим понижением общественного статуса) или многочисленные касты-jāti и, соответственно, какова была методика сбора информации Мегасфеном.

Работы, в которых предлагалось соотнести рассматриваемую семиклассовую схему с категориями индийской политико-философской мысли, можно разделить на две группы: в первую входят утверждающие, что тем или иным образом схема Мегасфена отражает варново-кастовое деление общества, предлагаемое местной традицией. Так, Б. Тиммер полагает, что собственно «классы» «должны быть сравниваемы с варнами, но не с кастами или «цехами», которые охватывают занимающихся какой-либо профессией в узком смысле слова. Теоретические требования эндогамии и ограничение на смену профессий, действительные только для варн, неверно приписаны Мегасфеном состояниям, которые варны покрывают лишь частично»⁸. Объясняя же возможные причины появления подобной схемы, Б. Тиммер утверждает, что Мегасфен смешал элементы древнеиндийской политической теории и то ли существовавшие в реальности, то ли сконструированные им самим касты⁹. Эту позицию поддержала Т.Б. Путилова¹⁰.

Позицию известного индийского историка Ромилы Тхапар можно свести к следующему: Мегасфен не мог ссылаться в своем сочинении на теорию варн по целому ряду причин: варн было четыре, возможно пять (в качестве дополнительной варны могли рассматриваться «неприкасаемые»), но никогда – семь; в описании Мегасфена использованы самые общие термины; к тому же наемные работники, ремесленники и торговцы не могли быть зачислены в одну варну. Исходя из этимологического родства слов jāti и γένος, последнее из которых она считает принадлежавшим самому Мегасфену в описании запрета на смену профессий и заключение браков между представителями разных «классов», а также того, что концепция jāti, представленная, в частности, буддийскими сочинениями, выглядит более узнаваемой, нежели система

⁸ Timmer B. Megasthenes en de indische Maatschappij. Amsterdam, 1930. S. 305.

⁹ Ibid. S. 66.

¹⁰ Путилова Т.Б. Мегасфен о древнеиндийских кастах // Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре. М., 1983. С. 110.

варн, индийская исследовательница склонна видеть в этой схеме Мегасфена отражение кастовой организации¹¹.

В ряде своих работ к этой проблеме обращается А.А. Вигасин, как и Р. Тхапар, считающий, что схема деления индийского общества, представленная Мегасфеном, отражает институты касты. В этом сообщении Мегасфена он видит «свидетельство об индийских кастах», устанавливаемое по схожести «классов» Мегасфена с кастой и в их замкнутости, и принадлежности к ним по рождению¹². Исследователь полагает, что «слово, употребленное Мегасфеном, *yévos*, является лишь калькой санскритской *jāti*», что описание семи «классов» у Мегасфена может быть «едва ли не изложением того, что индийские источники говорят о кастах – джати», например в КА III. 7. 36¹³. Автор считает, что информацию, на основе которой Мегасфен представил структуру индийского общества собственно «классовой», он получил от своих индийских информаторов, однако, описывая конкретные разряды, он опирался на собственные наблюдения, поэтому в его описании появляются такие разряды, «которые мог увидеть образованный эллин: воины и земледельцы, пастухи и ремесленники. Следуя античной традиции, Мегасфен легко подменял индийские касты более привычными греку профессиями»¹⁴.

Во вторую группу можно отнести работы тех ученых, в которых утверждается, что при формировании своей семичленной схемы Мегасфен по тем или иным причинам не опирался на кастово-варновую систему. Так, Е. Рапсон и К.Д. Сетхна полагают, что Мегасфен мог зафиксировать тот список профессий, наличие которых предстало перед его глазами¹⁵. По мнению О. Штайна, Мегасфен не мог получить эти сведения от какого-либо индийского информатора из-за несовпадения его схемы с политической теорией современной ему Индии и что они являются плодами его наблюдений¹⁶. По его мнению, каста отвечает другим требованиям, нежели представленные у Мегасфена¹⁷. Б. Брелёр, вообще отрицавший существование такого института, как каста, для представителей «арийских» племен в Индии, считал, что схема Мегасфена отражает лишь особенности экономического и семейного права в Индии: узость рынка рабочей силы привела к запрету на смену профессии, а требования равноправия для женщин – к возможности заключать брак только с представителем равного «класса» схемы Мегасфена. Семь составляющих ее частей он разделил на три большие группы: философы, не платящие налоги и не получающие содержания, «классы» со второго по четвертый, выплачивающие подати; «классы» с пятого по седьмой, находящиеся на государственном содержании¹⁸. Этой схемы придерживается и Дж. ван Бейтенен, полагающий, что изучение налоговой системы Индии и было основной целью визита Мегасфена¹⁹. Хельмут Хумбах считает, что Мегасфен расположил свои «классы» по принципу возрастающего трудолюбия: от наиболее усердных философов до, если следовать его логике, полных бездельников–шпионов и царских советников²⁰.

¹¹ *Thapar R. Megasthenes. Text and Context // R. Thapar. The Mauryas Revisited. New Delhi – Calcutta, 1987. P. 50–53.*

¹² *Вигасин А.А. Основные этапы истории древней Индии в трудах Р.Ш. Шармы // Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 572.*

¹³ *Он же. Ук. рец. С. 235.*

¹⁴ *Он же. Основные черты социальной структуры древней Индии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. С. 21.*

¹⁵ *Rapson E. Cambridge History of India. N.Y., 1922. P. 409; Sethna K.D. Rejoinder to R.C. Majumdar // JAOS. 1960. V. 80. № 3. P. 246.*

¹⁶ *Stein Megasthenes und Kautalia. S.123.*

¹⁷ *Ibid. S. 222.*

¹⁸ *Breloer. Megasthenes... S. 162; idem. Drei unbekannte Megasthenesfragmente über die pravrajyā // ZDMG. 1939. Bd 93 (18). S. 266.*

¹⁹ *Van Beutenen J.A.B. The Seven Classes of Megasthenes. American Oriental Society. Middle West Branch. Semi-Sentennial Volume. Bloomington, 1969. P. 67.*

²⁰ *Humbach H. Megasthenes and the Indian Castes // Proceedings of All – India Oriental Conference. Poona. 29-th Session, 1978. Poona, 1980. P. 398–403.*

Г. Фальк же предлагает схему, которая устанавливает соотношение между организацией сбора налогов и системой шпионажа по КА²¹.

Нужно отметить, что все вышеозначенные версии страдают серьезными недостатками. Так, отождествление «профессионального класса» Мегасфена с кастой представляется сомнительным, ибо такое восприятие касты характерно скорее для эпохи Средневековья и Нового времени. В эпоху же древности каста – jāti – была «эндогамным объединением экзогамных родов, сохраняя более черты племенной, а не профессиональной организации»²². Профессиональная замкнутость являлась лишь одним, и отнюдь не определяющим признаком касты. Те исследователи, которые постулировали смешение варн и каст, так и не смогли объяснить, почему Мегасфен описал именно семь, и именно эти профессиональные «классы», а также чем было вызвано это смешение. Кроме того, если Мегасфен знал о существовании каст, которые в маурийскую эпоху были уже сложившимся институтом, то почему при передаче этой информации множественность каст, ни одна из которых не имела общиндийского статуса²³, была заменена лишь семью группами?

Определение групп Мегасфена как классов налогоплательщиков (и неплательщиков), предложенное Б. Брелёром, и содержательно и терминологически неудовлетворительно, ибо автор не предложил ни одного аргумента для подтверждения своего положения. Кроме того, Б. Брелёр и повторивший эту точку зрения Д. ван Бейтенен не обратили внимания на то, что в сообщениях античных авторов по поводу системы налогообложения членов производящих классов наличествует определенная разногласия: согласно Диодору (II. 41.1), все ремесленники освобождаются от выплаты податей, согласно же Арриану и Страбону – только изготовители оружия, которые содержатся за счет царской казны (Агг. Ind. 12. 1; Strabo. XV. 1. 46). Делать основополагающие выводы, основываясь на столь противоречивой информации, представляется неправомерным. К тому же и Страбон сообщает, что философы освобождаются от уплаты податей только в том случае, если их пророчества верны (XV. 1. 39). И если групп, имеющих отношение к составленному Б. Брелёром списку, было три, то почему же Мегасфен описывал именно семь, а не три «класса»? Обратившая на это внимание Ромила Тхапар²⁴ сама как бы попадает в ловушку, разделив семь «классов» Мегасфена еще на три группы, но уже по другому признаку: философы, «отвечающие» за религиозные вопросы, следующие три группы – за экономику, а «классы» с пятого по седьмой – за управление²⁵. Помимо совершенно необоснованного деления семи «классов» еще на три группы, вызывает удивление отнесение воинского сословия к разряду управляющих, тогда как из сообщений того же Мегасфена известно, что воины заняты только своим воинским ремеслом (Strabo. XV. 1. 47). Что касается работы Д. ван Бейтенена, то нужно отметить, что он почти дословно повторил положения старой статьи Б. Брелёра «Мегасфен о древнеиндийском обществе», о содержании которой он, видимо, не знал, так как при очень схожих выводах ни разу на нее не ссылается. Единственным отличием является выдвигание исследования системы налогообложения в Индии в качестве основной цели визита Мегасфена, но эту идею ученый не подкрепил солидными аргументами. Что касается деления семи «классов» еще на три, то на его работу можно распространить критику, адресованную Б. Брелёру и Р. Тхапар. Аргументы Хельмута Хумбаха не убедительны, так как отсутствуют данные, которые могли подтвердить его идею. Мегасфен «вспоминает» о трудолюбии при описании только двух «классов» из семи (философов, говоря, что жизнь их самая трудная из всех, и воинов, считая их в мирное время совершенными

²¹ Falk H. Die Sieben Kasten des Megasthenes // Acta Orientalia. 1982. V. 43. S. 67–68.

²² Бонгард-Левин Г.М., Вигасин А.А. Общество и государство древней Индии // ВДИ. 1981. № 1. С. 42; Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артакшаstra: проблемы социальной структуры и права. М., 1984. С. 132; Вигасин А.А. Mischkasten im Manava – Dharmaschastra // AoF. 1990. 17. N 1. S. 121 f.

²³ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 133.

²⁴ Thapar. Op. cit. P. 35.

²⁵ Ibid. P. 51.

бездельниками). Можно ли вообще ставить вопрос о том, были ли земледельцы усерднее пастухов, а ремесленники – «шпионов» или царских советников? И, если войны, предававшиеся, судя по Мегасфену, в мирное время попойкам и разного рода увеселениям (Strabo. XV. 1. 47), стоят всего-навсего пятыми в списке самых трудолюбивых, представленном Х. Хумбахом, то что уж говорить о «высшем свете» маурийской Индии?

Против построений Г. Фалька также можно выдвинуть немало возражений: в схеме предложенной им, отсутствуют представители седьмого «класса», произвольно объединенные с пятым, чего нет в тексте Мегасфена; при расстановке «классов» Мегасфена для показа соответствия ее схеме шпионажа по КА Г. Фальк нарушает порядок расположения «классов» в тексте «Индики», а аргумент о «перемешивании» системы шпионажа, потерявшей из-за этого соответствие системе налогообложения, поздним редактором текста КА Вишнугуптой не проиллюстрирован и выглядит явной натяжкой. Кроме того, Г. Фальк не показал, какая связь существовала между системами шпионажа и налогообложения и почему она вообще должна была существовать. Но самое главное – предложенная автором схема, даже если ее принять, подразумевает детальное знание Мегасфеном текста КА. Однако такое предположение практически нереально: допустимо ли, чтобы местные информаторы при дворе царя Чандрагупты могли вводить бы Мегасфена в курс дела по функционированию шпионского аппарата своего государства?

Для того чтобы понять, что же описывал Мегасфен под своими τὰ μέρη τῶν Ἰνδῶν, необходимо обратиться к текстам тех греческих авторов, которые заостряли свое внимание на схожих сюжетах до Мегасфена, и определить, как они описывали подобного рода структуры, а лишь затем найти подходящее соответствие в индийской традиции, стараясь объяснить кажущиеся несовпадения, если такие будут иметь место.

Необходимый для решения поставленной задачи материал содержится уже в труде Геродота. Так, среди египтян он выделяет эндогамную «касту» свинопасов (II. 47), наследственность жреческого статуса (II. 37); «касту» воинов (II. 41); кроме того, он насчитывает семь «каст» (γένη), сгруппированных по профессиональному признаку (II. 164). Геродот описывает эндогамный институт глашатаев, имевший место в Спарте, членами которого могли быть только представители одного рода, передававшие свое ремесло по наследству (VI. 60)²⁶. То есть при описании замкнутых наследственных сословий определяющим признаком для него являлся именно профессиональный статус. Деление общества по этому признаку наиболее полно разрабатывалось в IV в. до н.э. Так, Платон устами Сократа в диалоге «Государство» заявляет, что для пользы дела каждый должен заниматься только одним занятием. Население своего воображаемого полиса он делит по профессиональному признаку (Rep. 369 D), призывает освободить ремесленников и земледельцев от побочного труда (торговля своими товарами) и создать для них такие условия, которые позволили бы им сосредоточиться только на своем деле (371 C). Освобождение от прочих занятий Платон предусматривает и для воинов (374 B–E). Платон подчеркивает, что каждый человек должен исполнять только один вид работ, так как это ведет к повышению качества работы (394 E; 397 E; 443 C). Эти идеи он развивает в диалоге «Законы» (847. A). Кроме того, по мысли Платона, необходимо установить запрет на смену профессий (Legg. 846. E). Не остался в стороне от этой дискуссии и Аристотель. Стагирит определяет восемь структурных единиц государства (μέρη), сформированных по профессиональному признаку (Pol. 1290b–1291a), причем земледельцы, ремесленники и воины его воображаемого полиса относятся к различным его частям (Pol. 1291a). Таким образом, приведенный выше материал говорит о том, что как реально существовавшие, так и воображаемые государства греческая политическая мысль описывала в следующих

²⁶ Подробнее см. *Курилов М.Э.* О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 133 сл.

категориях: разделение населения по профессиональному признаку и обособление этих групп для создания возможности максимально производительного труда вплоть до запрета перехода из группы в группу (Платон, Аристотель). Описывая негреческие народы, на этом особо акцентировал внимание Геродот.

Совершенно естественно, что Мегасфен, «воспитанный» на произведениях греческой философско-политической и историко-этнографической мысли, оперировал категориями, которые выработала греческая традиция. Но не только последняя, но и сама актуальность данной проблематики для греческого мира, что видно из того, какое огромное место занимала тема стратификации общества в произведениях философов и историков, побуждала селевкидского посла использовать при описании индийского общества уже выработанные категории. Вряд ли было бы уместно пользоваться «местной» терминологией в произведении, ориентированном на незнакомого с ней читателя (даже если предположить, что с ней был знаком сам Мегасфен). И нельзя ставить вопрос о переносе «идеальных» для греческого мира состояний на индийскую почву, т.е. о сознательной идеализации Мегасфеном (и, как правило, извращении) реальной картины описываемого общества, как это делают, например, О. Штайн и В. Дикшитар²⁷. Речь идет только о естественном и закономерном использовании того способа описания структуры общества, какой был принят в греческой литературе.

Вместе с тем и сами общественные отношения в Индии должны были дать повод для подобного рода описания. При сопоставлении семи «классов» Мегасфена с традиционными индийскими представлениями о четырех варнах с учетом отмеченной выше особенности описания Индии в категориях, привычных греческому читателю, писателю или мыслителю, получаются следующие результаты. Брахманы ассоциируются у Мегасфена с «философами», он выделяет из их профессиональной деятельности то, что будет знакомо и понятно греку: жертвоприношение и мантику (Законы Ману I. 88; далее – ЗМ). Неверно думать, что Мегасфен не имел представления о ведийской культовой практике, как чуждый ведийскому миру человек²⁸. Так, он верно передает смысл присутствия брахмана при жертвоприношении (Агг. Ind. II. 3), совершаемого по заказу уајатāпа – необходимо было соблюсти совершенную точность в произнесении мантр, отступление от которой было чревато нежелательными последствиями для всей общины²⁹. Таким образом, Мегасфен должен был иметь информацию о функциях философов как «жрецов», якобы будучи *persona non grata* в мире ведийской культуры. Вайшьям и шудрам, согласно ЗМ, было предписано заниматься профессиями, выделенными для «классов» со второго по четвертый (IX. 326–322 и др.). Под воинами могут скрываться только кшатрии. И действительно, тем списком профессий, который представлен у Мегасфена, исчерпываются возможности профессиональной деятельности для представителей чатурварньи (см., например, Мбх. XII. 63.1; КА I. 3. 8; 4.1). Прочая же деятельность, предписанная членам индийского общества, не может быть названа профессиональной и, значит, могла привлечь внимание Мегасфена только во вторую очередь или вообще ускользнуть от его взгляда: раздача и получение милостыни для брахманов (ЗМ I. 88), принятие даров для кшатрия (ЗМ I.77), «дарение», учение и жертвоприношение для кшатрия и вайшьи подчеркнута отделены от их основной профессии (например, ЗМ X. 79).

Оценочной категорией, определявшей место той или иной группы в обществе была именно варна, а не каста³⁰. Помимо приведенных в исследовательской литературе свидетельств еще одно подтверждение этому выводу дает буддийская традиция: в Мажжһима-Никāюа (II. 148–149) социальный статус человека определяется принадлежностью именно к варнам, на которые составители текста разделили современное

²⁷ Stein. Megasthenes und Kautalia. S. 42, 63, 110–115, 123, 201–205, 285; Dikshitar V.R.R. The Mauryan Polity. Madras, 1953. P. 33–34.

²⁸ Dikshitar. Op. cit. P. 33–36.

²⁹ Шохин В.К. Брахманическая философия. М., 1993. С. 44.

³⁰ Вигасин. Основные черты социальной структуры ... С. 21; Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 135; Wigasin. Mischkasten... S. 116.

им греческое общество, а не к кастам. Общее деление социума описывается в древнеиндийской традиции как деление на варны, хотя терминологически *varṇa* и *jāti* часто могли обозначать одно и то же. Варна являлась способом классификации уже реально существовавших групп³¹. Поэтому наиболее вероятным представляется вариант, при котором Мегасфену на вопрос об общих принципах деления индийского общества его окружение ответило, ссылаясь именно на варны. Исходя из того, что сам институт касты связан с племенной организацией³², наличие архаической системы каст могло, скорее, отразиться в упоминании у Арриана 118 народностей, живущих в Индии и не общающихся между собой: ἔθνεα δὲ Ἰνδικὰ εἰκοσι καὶ ἑκατὸν τὰ ἅπαντα λέγει <Μεγασθένης> δυοῖν δέοντα ... τὸ δὲ ἀτρεκέες οὐκ ἔχω εἰκάσαι ὅπως ἑκμαθῶν ἀνέγραψεν οὐδὲ πολλοστὸν μέρος τῆς Ἰνδῶν γῆς ἐπελθῶν οὐδὲ ἐπιμιξίης πᾶσι τοῖς γένεσιν ἐούσης ἐς ἀλλήλους (Ind. 7.1). Именно в этом отрывке в индийском γένος, отождествленном Мегасфеном с ἔθνος, можно разглядеть два существенных признака *jāti*: генетическую связь касты с племенем и строгую эндогамию: последние слова этого фрагмента (οὐδὲ ἐπιμιξίης πᾶσι τοῖς γένεσιν ἐούσης ἐς ἀλλήλους) указывают на отсутствие брачных отношений между представителями разных ἔθνεα/γένεα. То есть семь «классов» в «Индике» Мегасфена могли отражать теорию четырех варн в категориях, принятых в греческой этнографической литературе: деление общества проводилось по профессиональному признаку – варны в древнеиндийской политической теории отличались друг от друга теми или иными занятиями, предписанными их членам. Таким образом, Мегасфен вполне мог принять теорию четырех варн как разделяющую индийское общество по профессиональному признаку.

При рассмотрении структуры государства греческая политическая мысль настоятельно подчеркивает необходимость наличия «властей» (Plato. Legg. 808 D; Arist. Pol. 1291a), ибо без «должностей» (ἀρχαί) государство не может благополучно существовать (Arist. Pol. 1298a). Государство, говорит Аристотель, это распорядок в системе должностей, особенно высших (Pol. 1278b; 1279a; 1289a–b). Поэтому Мегасфену не могло не броситься в глаза отсутствие в индийской традиции «специального» профессионального «класса» для «властей». Иногда встречающееся в ней отождествление «руководства» с профессией кшатриев вряд ли могло удовлетворить Мегасфена, если оно ему вообще в каком-либо виде встречалось, так как, согласно рекомендациям самой греческой традиции, выраженным Платоном и Аристотелем, нельзя допускать, чтобы один человек занимался сразу двумя делами: и воевал бы, и «руководил» – необходимо иметь в виду рекомендации об отделении воинского труда от всякого другого (Arist. Pol. 1329b). Поэтому «правители» и могли быть выделены Мегасфеном в отдельные шестой и седьмой «классы», стоящие после пересказа местной традиции о делении общества.

При определении, почему Мегасфен описал именно семь «классов», исследователей, высказывавших свои мнения по этому вопросу, можно разделить на тех, кто считает, что Мегасфен описывал то, что видел, и ставить вопрос о самом числе семь бессмысленно³³, и тех, кто полагает, что на Мегасфена каким-то образом могла повлиять индийская политическая теория, содержащая описание «семичленного царства»³⁴, которое состоит из царя, министра, сельской местности, укрепленных городов, казны, войска и союзников (KA VI. 11). Однако в таком случае непонятно, почему Мегасфен отразил только форму, а содержания этой схемы не коснулся. Р. Тхапар, рассматривая вероятность влияния на схему Мегасфена Геродота, разделившего египтян на семь профессиональных родов, не нашла тому никаких подтверждений. Между тем даже по содержанию (жрецы, воины, коровьи пастухи, свинопасы,

³¹ Wigasin. Mischkasten... S. 116, 120.

³² Визасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 132.

³³ Rapson. Op. cit. P. 409; Stein. Megasthenes und Kautaliya ... S. 123; Sethna. Op. cit. P. 246; Majumdar R.C. The Indika of Megasthenes // JAOS. 1958. V. 78. N 1. P. 276.

³⁴ Thapar. Op. cit. P. 51.

мелочные торговцы, толмачи и кормчие) совпадений между схемами Геродота и Мегасфена гораздо больше – «классы» Геродота с первого по пятый так или иначе упоминаются и у Мегасфена), нежели между схемой автора «Индики» и семичленным царством КА. Стоит отметить, что для представителей греческого мира государство – πόλις – всегда составляли «люди» (например, Thuc. VII. 77,7), а не абстрактные категории вроде «казны» или «сельской местности», как в теории «семичленного царства» КА. Кроме того, такой авторитет в этом вопросе, как Аристотель, указывает, что разделение населения государства на слои ведет свою историю из Египта, ибо египтяне – самый древний народ на земле (Pol. 1329b). Более вероятно, что знавший труды Геродота и Аристотеля³⁵ Мегасфен, следуя древнейшему делению населения на составляющие части вообще и видя отсутствие необходимых элементов в своем изложении теории четырех варн, добавил недостающие «власти», благодаря чему и довел количество своих «классов» до семи, удовлетворив тем самым «требованиям» как Геродота, так и Аристотеля и проявив должную самостоятельность в изложении политической теории. Возможно, в выборе числа семь сыграло свою роль бессознательное стремление к «сакрализации» государственной структуры Индии, которая уже успела стать страной чудес в греческой хорографической традиции.

Инеродность шестого и седьмого «классов» по отношению к первым пяти проявляется и в следующем: при описании запрета на смену профессий и требованиям эндогамии Диодор упоминает представителей пятого, второго, четвертого, и первого «классов» соответственно (Diod. II. 41.5), а Арриан – второго, третьего и четвертого (Ind. 12. 8–9), т.е. тех, которые и могли составить основу пересказа теории четырех варн, смешение которых строго порицалось местной традицией. Этим же объясняется и упоминание только «классов» с первого по пятый при описании необходимости соблюдения эндогамии. Попытки Б. Брелёра и Р. Тхапар³⁶ отделить описание профессиональных «классов» от картины семейного права и запрета на смену занятий не представляются убедительными. Но если Брелер для объяснения своей позиции выдвигает универсальный для него аргумент – отсутствие кастовой системы для представителей «индийских ариев», то Р. Тхапар вообще оставила свои рассуждения без объяснений. Между тем объединение этих вопросов совершенно необходимо, что становится абсолютно ясным из дальнейшего рассмотрения понятия «варна» в древнеиндийской политической мысли.

Запрет на брак с представителями другого «класса» (Diod. II. 41. 5; Arr. Ind. 12. 8–9; Strabo. XV. 1. 49) вытекает из установки на лучший брак, как совершающийся между представителями равной варны (предположительный аналог профессионального «класса» у Мегасфена). Так, например, Ману считает сыновей, рожденных от жен следующей, низшей варны, хотя и равными, но порицаемыми (ЗМ. III. 4, 12; VIII. 172; X. 24; 6). Согласно другому стиху (ЗМ. III. 12), разрешается при первом браке брать жену по любви, но по любви все же из той же варны. В другом месте сказано, что личное услужение и постоянные священные обряды следует совершать только жене равного с мужем варнового происхождения (ЗМ. X. 86). Дети же, происходящие от брака типа «апада», т.е. брахмана и трех нижеследующих варн (кшатрия, вайшьи и шудры), кшатрия и двух (вайшьи и шудры), вайшьи и одной (шудры) (ЗМ. X. 10) существуют занятиями, презренными с точки зрения дваждырожденных (ЗМ. X. 46). Л. Скуржак считал необоснованной точку зрения тех исследователей, которые полагали, что нельзя толковать договор между Селевком Никатором и Чандрагуптой Маурья как давший легальную основу для заключения межгосударственных браков по той причине, что кастовая система Индии запрещала браки вне определенной касты. Он полагал, что строгая эндогамия является характерным признаком касты Нового и Новейшего времени, но в том, что касается времени Мегасфена, историки не располагают данными, которые позволили бы им с такой легкостью распространять

³⁵ О влиянии терминологии Аристотеля на Мегасфена см. *Breloer B. Kautaliya Studien. Bd I. Leipzig-Bonn, 1927. S. 60 f.*

³⁶ *Idem. Megasthenes... S. 134–146; Thapar. Op. cit. P. 53.*

признаки кастовой системы недалекого прошлого на маурийское время³⁷. В этой связи следует еще раз отметить, что уже Артхашастра Каутильи при внимательном анализе данных о jāti, дает возможность установить наличие сложившейся кастовой системы³⁸. Однако индийская традиция, которую можно было бы датировать временем визита Мегасфена (например «Законы Ману»), относит призыв к эндогамии к варнам. На вопрос о способах структурирования общества Мегасфен с большей вероятностью мог получить ответ о варновом принципе как сложившейся оценочной категории, нежели о кастовом, фиксировавшем реально существующие многочисленные сообщества, зачастую имевшие лишь локальное распространение, сформированные по тому или иному признаку.

Та же ситуация прослеживается и в отношении запрета на смену профессий. Если варна понималась Мегасфеном как некий род, представители которого сохраняли и наследовали свой профессиональный статус, то индийским прототипом этого запрета будет стремление к сохранению порядка варн и их несмешению, отказ от которого является «крайним пределом для злокозненных» (ЗМ. I. 87; VIII. 418; Мбх. V. 70. 28). Одна из основных обязанностей царя – поддержание варнового строя, предотвращение смешения варн (Мбх. XII. 64. 24–27; 65. 6–7; 67. 3, 21, 27). Индийская политическая традиция дает разрешение жить занятиями, предусмотренными для представителей других варн только в экстремальных условиях (ЗМ. VIII. 42; 102; X. 81–83; 24; XII. 70; КА III. 7–31). Уместно было бы вспомнить «разрешение» становиться философом любому индийцу именно потому, что жизнь его полна лишений и неудобств (Strabo. XV. 1. 49; Агр. 12. 9). Индийская традиция пестрит и прямыми запрещениями заниматься несвойственными той или иной варне видами деятельности (Мбх. I. 46. 5–16; II. 30. 1–9; III. 181. 24–33; V. 70. 42–54; VII. 30. 57–66 и др.), т.е., описывая запрет на смены профессионального статуса, Мегасфен воспроизводит наиболее желательные, своего рода «оптативные» состояния, рекомендуемые местной традицией как наилучшие. Это представляется очень важным для уяснения целей составления «Индики». Именно такое понимание его слов не противоречит высказываемым в литературе предположениям о «замыкании» варн лишь на рубеже нашей эры, как принято считать в исследовательской литературе³⁹. И было бы неверно вслед за О. Штайном⁴⁰ считать эту мысль новой, а тем более сенсационной. К уже упоминавшимся выше высказываниям греческих авторов по этому поводу можно добавить слова Платона о том, что в случае смешения профессиональных сословий произойдет гибель государства (Rep. 434B).

Последовательность расположения «классов» Мегасфена также не лишена определенной закономерности. Помещая философов на первое место, Мегасфен отражал присущее, в частности литературе шастр, положение о наивысшем среди всех существ состоянии брахманов (ЗМ. I. 96; IX. 317), что соответствовало стремлению возвеличить философов в греческом мире (Plato. Rep. 489A–B; 494 A, особ. 473 C–D; 543 A).

В том, что именно земледельцы занимают второе место и являются κοινὸς εὐεργέτας ἡγοῦμενοι – «почитающимися всеобщими благодетелями» (Diod. II. 40. 4), можно усмотреть влияние индийской традиции, положения которой по данному вопросу находятся в согласии с требованиями греческой. Так, согласно «Артхашастре Каутильи», добродетельные земледельцы провозглашаются «силой государства» (КА. VII. II. 24). После государя и министра сельское население занимает третье место по важности среди государственных факторов (КА. VI. I. 1). Каутилья утверждает, что все мероприятия, касающиеся укреплений, казны, войск, сооружений, а также торговые операции находятся в зависимости от состояния сельской местности (III. 1. 29),

³⁷ Skurzak L. Le traite du paix en 305, selon Strabon et Appien d'Alexandre // Eos. 1964. V. 54. P. 227–229.

³⁸ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 129–132.

³⁹ Например, Вигасин А.А. Об эндогамии древнеиндийских варн // Индийская культура и буддизм. М., 1970. С. 98.

⁴⁰ Stein. Megasthenes. S. 234.

сельское население есть основание для всех действий (VII. 14. 19). И в этом не было ничего удивительного для грека. Нет надобности считать Мегасфена знатоком и первооткрывателем для греческого мира деталей индийской политической теории, неизвестных его культурно-исторической родине. Так, согласно Ксенофону (Econ. 5. 17), земледелие – мать всех ремесел. Греческая традиция выработала представление об особой почетности труда земледельца (Xen. Econ. 5. 20 15. 9; 15. 12; 18. 10; 13. 17; Hes. Opp. 90–93; 391 и т.д.). Земледельцев считают наиболее ценным сословием и Платон (Rep. 421 A), и Аристотель (Pol. 13128b). В соответствии с Аристотелем же в идеальном государстве после земледельцев наилучшим является сословие скотоводов и пастухов (Pol. 1319a), что и отразил Мегасфен. Положение сословий ремесленников и воинов на четвертом и пятом местах можно, очевидно, объяснить следующим образом. Презрение к оплачиваемому труду, в частности ремесленному, бытовавшее в греческом мире, четко выразил Аристотель, указавший, что ремесло несовместимо с добродетелью (Pol. 1278a; 1319a). Аристотель говорит, что положение ремесленника сродни состоянию ограниченного рабства (Pol. 1260b), что ремесленники не должны быть гражданами, так как гражданин свободен от повседневного труда (Pol. 1278a). С ним согласен и Ксенофонт (Inst. Cyp. II. 7. 7). Мегасфен мог встретиться с теми положениями местной традиции, которые относили ремесленный труд к уделу шудры и считали его презренным занятием (ЗМ. I. 91; X. 93–100; Мбх. III. 198. 19–30). С одной стороны, это представляется маловероятным, ибо тогда воины-кшатрии должны были бы оказаться на втором месте после философов, но с другой – их пятое место вполне может объясняться тем бездельем и теми попойками, которыми было занято все свободное время воинов, не выполнявших в мирное время никакой полезной для общества работы (Diod. II. 41. 2; Strabo. XV. 1. 47; Art. Ind. 12. 4). Таким образом, Мегасфен не следовал слепо за местной традицией, а старался выбрать из нее то, что так или иначе соответствовало идеалам греческой политической традиции. Поставив самых уважаемых в обществе философов на первое место, он в дальнейшем следовал расположению своих «классов» по принципу их общественной полезности и пропорционально оказываемому почту. Так же располагал части своего воображаемого полиса и Аристотель (Pol. 1319a), земледельцы, ремесленники и воины расположены у Мегасфена в той же последовательности, как и у Стагирита (Pol. 1291b). Шестой и седьмой «классы» схемы Мегасфена добавлены не на основании пересказа Мегасфеном теории четырех варн, но в результате его личных наблюдений при дворе Чандрагупты и потому не могут рассматриваться как поставленные наряду с «классами» с первого по пятый по одному признаку.

Таким образом, при описании семичленной структуры общества в Индии Мегасфен использовал профессиональный «класс» как структурообразующий элемент, свойственный греческой историко-этнографической и философско-политической мысли. Его описание составлено с акцентом на разделение труда и обособление возможных профессиональных сословий, что могло бы повлечь за собой значительные выгоды в экономическом развитии. Эти темы были всерьез поставлены еще Геродотом, их активно обсуждали Платон, Ксенофонт, Аристотель, конструировавшие различные модели идеальных государств. Мегасфен, судя по всему, был осведомлен об этой дискуссии и, встречая те или иные положения индийской политической традиции, облакал их в те образы, коими пользовались ее участники и его предшественники. Необходимо отметить целенаправленность поиска информации, которая могла бы ответить на вопросы, поставленные греческой философско-политической мыслью. Он стремился находить в политической теории Индии способы структурирования государства, по его мнению, находящиеся в соответствии с проектами идеальных государств, предложенных в греческом мире. Но вместе с тем нельзя считать, что Мегасфен идеализировал описываемую им реальность. На основании вышеприведенного анализа принципов описания общественной структуры восточной Индии Мегасфеном можно считать вполне определенным тот факт, что его сочинение строилось по принципам не только историко-этнографическим, но и политико-

философским, при том, что оба эти подхода были тесно переплетены в русле общего развития древнегреческой литературной традиции: материал проходил строгий отбор и использовался только тот, который отвечал требованиям организации идеального государства, выдвинутым греческой политической философией V–IV вв. до н.э. «Индика», очевидно, составлена в рамках дискуссии относительно наилучшего государственного устройства, активно протекавшей в греческом мире, особенно в IV в. до н.э. Однако читатели, как древние, так и многие современные, приняв форму описания индийской действительности за содержание, не восприняли «Индику» как отражение реального положения дел в далекой Индии, что породило в позднейшей античной литературе восприятие Индии как уже реализованного идеала государственного строительства.

М.Д. Бухарин

THE DESCRIPTION OF THE INDIAN STATE IN MEGASTHENES' INDIKA

M.D. Bukharin

The article presents an analysis of the principles of the description of the structure of the ancient Indian society in Indika by Megasthenes, one of the most important works of ancient literature devoted to the description of India. On the basis of the analysis of the tradition of the description of non-Greek societies and ideal states in ethnographic and philosophic-political literature preceding Megasthenes, identification of the stereotypes underlying such descriptions and comparison of fragments from Indika with Indian tradition the author has come to the conclusion that Megasthenes followed in the steps of the existing literary tradition and structured his description in such a way as to answer questions, raised by Greek political philosophy in its search for an ideally organized state on the basis of Indian material.

© 1997 г.

ТРЕТЬЯ МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА: ПРОБЛЕМА ВИНЫ СТОРОН

Есть мнения, которые почти общеприняты, хотя и не имеют достаточных к тому оснований. Одно из них, уже глубоко укоренившееся в антиковедении, гласит, что македонский царь Филипп V до конца своих дней мечтал о войне реванша против Рима, эту идею унаследовал его преемник Персей, на котором во многом и лежит вина за начало III Македонской войны, погубившей царство Антигонидов. Между тем при тщательном анализе источников и конкретных событий такое мнение выглядит весьма проблематичным.

После Сирийской войны, ослабившей Селевкидов и поставившей их в зависимость от Рима, сенат ужесточил политику на Балканах. Отчетливо прослеживается стремление перейти от отношений протектората к полной гегемонии в регионе. Необходимость в помощи греков на Востоке отпала, исходя из политической ситуации упали ценность и значимость партнеров. Отныне особое внимание уделялось самому сильному государству – Македонии, ее пытались превратить в полностью зависимую, лишённую самостоятельной внешней политики. Давление на страну нарастало, ее всячески старались ослабить (App. Мас. IX. 6).